

Всеволод Овчинников, автор знаменитой «Ветки Сакуры», по первоначальному образованию синолог. По второму японист. Разрыв дружественных отношений с Китаем (1956–1959) вынудил, как и многих востоковедов, осваивать смежную специальность. Это-то и придает свидетельствам его, особенно первым (в начале 50-х), статус уникальности. К примеру, такому: «Несколько утрируя, скажу,

что китайцы — это немцы Азии. В своем поведении они руководствуются логикой и рассудком». По их, мол, правилам, самих себя, как и учил Конфуций, необходимо постоянно совершенствовать. Об этом, дескать, напоминают даже флюгеры в виде карпов, укрепленные по всему Китаю на домах, где есть мальчишки. «Плыть против течения, стремиться вперед и выше — вот суть мужского характера, воплощенная в этой поэтической метафоре». Ни один из знакомых мне жителей Поднебесной не подтвердил ни в настоящем, ни в недалеком былом наличие «разбросанных по всему Китаю флюгеров в виде карпов». Так, может, Овчинников ошибся? Или его не так поняли или перевели? Вряд ли. Рыба карп в Китае и впрямь на особом положении. Как символ плодovitости, долголетия и выживаемости. Больше того! Согласно легендам, карпы способны не только плыть против течения, но и перелетать, перескакивать через пороги. Известно также, что в Японии карпов одомашнили, и сделались они у них разноцветными. В том числе и золотыми. А вот в США стали настоящим бедствием, ибо извели, вытеснили из водоемов, что природных, что искусственных, все прежние, местные породы рыб. Впечатляет? Еще бы! А теперь остановитесь и понаблюдайте за человеком, родившимся лет шестьдесят назад в таком захолустье, что конфуцианские символы вполне могли бы здесь задержаться, несмотря на то, что Китайская Народная Республика уже праздновала пятилетнюю годовщину. Где Пекин, Тайвань, Гонконг и Шанхай, а где какой-то Нинся-Хуэйский автономный округ? Беспросветная бедность и внушающие испуг останки некогда сильной своей силой империи. Тяжелое дыхание пустыни Гоби и плотные непрозрачные воды реки Хуанхэ. Великанские могильники монгольских конкистадоров и Горы, Горы, Горы... Вроде и не близко-рядом, а нависают! И над городком Иньчуань, и надо всем этим заброшенным, обделенным красотой плоскогорьем. Красотой, но не таинственностью. Даже сейчас, уже обихожное, остается самой загадочной местностью не только Китая, но и вообще планеты. И так, сидит себе человек на берегу когда-то Крепостного рва, а ныне, видимо, оросительного канала, и от нечего делать бросает в воду электронную игрушку. Естественно, в виде карпа.

Я забросил в Крепостной ров электронную рыбку.
Позже
Сел у рва и поймал ее на крючок.
Она извивалась под солнцем
И как будто от боли громко кричала.
Затем, извиваясь,
Подпрыгнула раза два или три

И снова бултыхнулась в ров.
С той самой поры
Ни днем, ни ночью не отхожу ото рва
И жду.
Иногда
Я вижу ее оплодотворение.

В водах
Из икринок появляются мальки
И, резвясь, собираются в стайки.
Иногда
Я наблюдаю, как у поверхности
Она заглатывает другую рыбу —
Кровь окрашивает водную гладь,
Как будто сам Бог руку себе поранил.
Зимой,
Катаясь по льду,
Вижу, как создание в золотой чешуе
распускает иглы, полные яда.
Наблюдаю,
как рыбка переходит из одного измеренья в другое,
как впрыскивает яд в нашу эпоху.
Я тихо и молча сижу надо рвом.
Беспомощность полную ощущая,
Зная, что именно я совершил преступление века.
И сам, наконец,
кидаюсь в крепостной ров.

И во всем мире при этом
Нет никого, кто бы пришел на помощь.

Ло Ин

26 сентября 2009 года

Прочтя процитированные стихи впервые, я, каюсь, подумала, что создатель удивительного текста, большой и неожиданный поэт Ло Ин, наверное, любитель древностей. Или упрямец-одиночка, для которого «китайское чудо» не более чем мираж. В самом прямом значении, то есть оптический глюк — ложные изображения земных предметов, возникающие на линии горизонта. На самом же деле автор «сюра» о ядовитой золотой рыбке — один из создателей этого чуда. Его официальное «паспортное» имя — Хуан Нубо. Под ним-то он и числится в списке богатейших предпринимателей мира, публикуемом в журнале «Форбс». То же самое с альпинистским обществом «Большой шлем», членством в котором поэт явно гордится (см.: «Разрыв времен», цикл «Дневник альпиниста»). Шлемоносцы отмечены здесь знаком 7 + 2, то есть восхождением на семь общеизвестных вершин мира и покорением Северного и Южного полюсов. Правда, Большой, высокогорный шлем натягивает на свою голову все-таки не столько автор рыбки, то есть поэт Ло Ин, сколько его второе «я» — милли-

онщик Хуан Нубо. Тот самый Хуан Нубо, чье имя на все лады склоняют мировые СМИ. И впрямь — что за странная фантазия? Неугомонный и неожиданно высокорослый китаец пытается торговать у Исландии 300 квадратных километров ее серебряных льдов, а у Норвегии — еще сколько-то арктического холода. Якобы для того, чтобы выстроить ледяной Парадиз. Дабы утереть нос владельцам Антарктического отеля в стране пингинов и капитана Скотта?! Естественно, со всеми суперудобствами. Впрочем, околполярные турпроекты — не самая неожиданная инициатива его деловой биографии. Весьма неожиданным, к примеру, представляется Поэтическое общество при Пекинском университете, которое Хуан Нубо и субсидирует, и возглавляет. О том, что нечто подобное имеет место, сообщали мне многие из побывавших в Пекине. В основном, конечно, по казенной литнадобности побывавшие. Вот я и предполагала шаблонное литобъединение, не претендующее на роль, какую в Москве в конце 50-х сыграла, к примеру, легендарная «Магистраль».

Выяснилось, однако, что Хуан Нубо создал общество иного толка. Некий универсум, объединяющий Союз молодых поэтов, научно-исследовательский институт и даже издательство. Каким образом деятельность сотрудников сего НИИ, следящих за новациями в поэзии современного Китая, чревата (брюхата) надеждой на немедленный урожай талантов мирового масштаба, предположить не могу. Даже из присланного друзьями отчетного (за 2016 год) доклада Общества. Продуманность проекта, конечно же, впечатляет. Впечатляет и размах общекультурной деятельности, а вот слишком уж властные амбиции современного Китая слегка настораживают. Похоже, что и Ло Ину самоуверенность архитекторов китайского чуда хотя и по сердцу, да не всегда по уму. Во всяком случае, образ воскресающего из ужасов войн и революций нового мира умиления у него не вызывает. Ни в цикле «Муравьи», ни в открывающем его новую книгу «Культурная революция»¹ «Прологе».

Думается, неслучайно именно здесь, в «Прологе», у претендента на статус «хозяина планеты» — нет ни лица, ни названья. Просто некое ОНО:

Оно взметнуло руки, как гигант,
И замахало ими, призывая,
Само себя, наверно, ощущало

¹ На языке оригинала «Культурная революция» опубликована года два назад, на Тайване. В русском переводе появится в ближайшее время. Что касается цитируемого мною текста, то он по настоянию автора включен в состав сборника избранных произведений «Разрыв времен» (М., 2016).

Хозяином Истории планеты.

И острые клыки всем показали,
Как велико его презренье к миру...

Маяковский, конечно же, прав: «Поэзия — вся! — эда в незнаемое». Но по-разному. Инако. Переводная, крути ни крути, а terra incognita. И все-таки она существует, и не как параграф в литературной энциклопедии. А как приглашение к путешествию — в нашем случае — по Китаю, самой противоречивой и сложной стране нынешнего мира. И тут уж не Маяковский вспоминается, а Пушкин: «Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница!.. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России» («Путешествие в Арзрум», 1828).

Но вернемся к золотой рыбке... Чего же опасается Ло Ин? Того, что сто лет «тягательства живой силы с железной» (Есенин) окончится победой железной гостыи? Экое чудо! Экое юдо! Вся в красно-золотых иглах, наполненных смертельным ядом! Еще совсем-совсем недавно Андрей Вознесенский ликовал: «Гениальность в крови планеты!» И что же? Даже, казалось бы, бессмертный муравьиный народ стал прямо на глазах у изумленного автора вымирать «целыми коллективами». Да что же это такое? Очередной поэтический апокалипсис? Нет-нет, успокойтесь. В уже упомянутом цикле «Муравьи» мысль автора предлагает к размышлению и такую ситуацию: казалось бы, самая жизнеспособная из муравьиных популяций, находясь в зените сил и амбиций, вдруг выпадает из мирового круговорота. И даже впадает в спячку. Такую глубокую, что ни гром, ни молнии, ни бури не могут встревожить таинственный сон. И все-таки не волнуйтесь. Муравьи не случайно, совсем-совсем не случайно оставляют и в заложниках вечности, и в пленниках времени своих поэтов. И Ло Ин не протестует, не взрывается, он даже вроде бы извиняется за свое послушание. Дескать, ничего не поделаешь, ведь не кто-нибудь, а

...муравьи приказали мне
Стоять для них на часах.
Так я и оказался
Прикованным к ножке стола.

Поэт Ло Ин

Церемония открытия НИИ поэзии Китая при столичном университете Бейда

Прием на загородной вилле Хуана Нубо в честь Е. Евтушенко. На фото также переводчица Ли Ялань